
From Cultural Diversity to Interculturality

Particle in the Ukrainian South-Bessarabia Dialects

Andrij Kolesnykov¹

Abstract: A particle as the most active functional morphological class in the Ukrainian dialectal speech needs attention in the investigation of the Ukrainian different origin dialects spoken in South Bessarabia. The article deals with the functioning peculiarities of different morphological particle types (emphasising, demonstrative, affirmative, intensifying, negative, form-building, derivative etc.). The author highlights the wide ambivalent possibilities of particles towards other grammatical classes, especially interjections.

Keywords: particle; function; resettlement dialect; origin; dialectal type; ambivalent possibilities

Частица в украинских южнобессарабских говорах

В диалектной речи ареала среди других служебных слов частицы отличаются высокой активностью, что является архаичной чертой, интегральной с другими говорами украинского языка: «В структуре диалектных предложений есть много разных вставных слов и частиц» (Zhytko, 1966, p. 111; Bevzenko, 1960, p. 398).

В соответствии с информацией программы (около 10 вопросов) и диалектных текстов морфологический класс партикул довольно размыт, аморфен, характеризуется значительным функциональным взаимодействием, омонимией с формообразующими и словообразующими морфемами (формообразующие и словообразующие частицы), другими служебными и знаменательными частями речи: междометиями (*ну, гей, мей, ага, гет*), союзами (*та, і, й, а, лиш, т'іл'ки, т'іко, мов, н'іби, наче, не|наче*), наречиями (*т'іл'ки, зовс'ім, гет, просто, чисто, іше*), местоимениями (*то, це, той, оце, ото, саме*), глаголами (*бач, бачте, диви, ади|ви, адиса, ади*). С генетической точки зрения при рассмотрении такой амбивалентности, вероятно, чаще отмечается производность частиц от других грамматических классов (за исключением взаимодействия с союзами).

Семантический и функциональный спектр того, что называют частицей, в традициях языкознания широк: служебное слово вообще; неизменяемый компонент, не-слово; коннектор (своеобразный союз); языковая единица,

¹ PhD, Izmail State University Of Humanities, Address: Riepina St, 12, Izmail, Odessa Oblast, Ucraina, 68601, Tel.: +380 4841 51388, Corresponding author: Ukraineakolesnykov2015@ukr.net.

передающая разные коммуникативные характеристики сообщения; синтаксическое средство актуального членения; заполнитель пауз, связанных с подбором слов говорящим (это касается в основном отместоименных частиц: *замерзло було/цей/цейю/Дн'іпро* – Рл.1; *п'їшла у колхоз у те/св'іноф'ерму* – Шв.); показатель границ текста (*н'їхто то'б'ї такоого не" рос'каже йак йа/о'це тако*– Шв.; ... *та_й так* – Рл.1) (Nikolayeva, 2005, р. 3). Иногда создается впечатление, что к частицам может относиться все, что имеет нестандартное для других грамматических классов парадигматическое, синтагматическое, семантическое поведение. Особенностью диалектной речи является повторяемость частиц, их избыточность по сравнению с литературным стандартом (*вже два |годи йа_вже не п'чу; ну_оце_ж бур'аки; оце_ж_аж* у Д'ісантне; *в нас це_от_вже* були х'лопц'ї – Шв.; *о'це йа оцеву'во?* – Мл.), ср. (Delyusto, 2010).

Формообразующие и словообразующие частицы выступают в говорах как соответствующие форманты. Частицы *хай*, *не^нхай* (*нехай*, *нихай*), *най*, образованные «от утраченного уже глагола *хати*, *хаяти*» (Bevzenko, 1960, р. 399), – средства образования аналитических форм 3 лица ед. и множ. числа повелительного наклонения. Репрезентант *най* при этом маркирует некоторые говоры юго-западного генезиса¹. Но частицы *хай* и *нехай* постепенно вытесняют *най* (Рл.2– *нехай* вам |буде |добре; Мл. –*нехай* го'вор'ат;*хай* там чорт; і той мат *нехай* покладут туда/напечатайут; *хай* бог |милуйе; *нехай* |буде ха'з'айінов'ї), которая сохраняется только в некоторых ЧДС параллельно и фразеологизированно (Пк. – *нихай* кажут; *най* бог |милуй'їду і го'лос'у).

Повелительное наклонение, как и в других юго-восточных диалектах (Zhylko, 1966, р. 103), часто образуется и сочетанием слов *да'вати*, *'гайда*, *гай* и соответствующих глагольных форм (*'гайда хо'д'ім, гай п'їшли, гай йа с'кажу*) (Drozdovskij, 1961, р. 150; 1962, р. 444; Logvin, 1965, р. 42), но частица *гай* не обязательно занимает препозитивную позицию к глаголу (*п'їшла гай на |фабрику* – Яр.), иногда употребляется и в предложениях без глагола/вместо глагола как его эмоционально-волевой заменитель, что свидетельствует в пользу ее интерпретации как междометия (Вс. –*гай/виби'рай* пше'ничку;*гай* бу'вай;*гай* по виног'рад; Мл. –*гай'т'от'о* |Л'убо; *а по'том гай* по ук'райінски; *гай* до приси'дател'а). Наблюдаем и производную от *гай* частицу *'гай-бо* (Вс.). Отмеченные слова (*да'вай*, *'гайда*, *гай*, *'гай-бо*) относим к побудительным частицам-междометиям.

¹Ср. замеченное ранее в Рл.1 в 3 лице ед. и множ. числа – «описательные формы иногда образуются с помощью частицы *най*: *най почи'кайі, най с'пит*» (Logvin, 1965, р. 42).

Частица *би* (*б*), производная «от формы 2-го или 3-го лица ед. числа аориста глагола *быти* (*бы* > *би*, *б*)» (Bevzenko, 1960, p. 399), образует форму сослагательного наклонения (Рл.2– *буѣ би/тоже по/мер би*).

Частица *с'а* (*с'*, *ц'а*) является основным компонентом глагольного форманта (чаще постфикса) возвратности и, возможно, страдательного залога (*йїстса йа'йїчко*; *по/том в'ідвар'уйеца кар'тошка* – Пк.). В говорах севернобессарабского генезиса (Пк., Вс., Ну., Плач., Рл.1, Рл.2, Мл.) она приобретает твердость согласного *с* (*са*, *с*, *ца*)¹ (*поб'равса*, *ос'талис*, *в'зуца*), а в говоре закарпатского типа (Пб.) сохраняются формы с препозицией частицы *с'а* (*с'а вжи'вайут*). В говорах севернобессарабского типа рудиментом такого употребления являются формы с дистантным от глагола расположением *са* после частицы со значением сослагательного наклонения (*бо'йав би са* – Мл.). Наблюдаем также несколько расширенное по сравнению с литературным стандартом употребление этой частицы (*ход'ат по ба'зар'у і пи'тайутса*; *йа в'зала розни'таласа*; *за'чали пи'таца*; *йак с'хочеш во'ди/шоб не пи'лас н'йїак* – Пк.); появление взаимно-возвратного значения на месте возвратного (*по'р'ізалис*– ‘порезали друг друга’ – Пк.).

Как формообразующая функционирует и частица *май*, которая имеет широкий спектр преимущественно градационных значений, а как словообразовательная – указательная *о*, *ос'* и др.

Указательные частицы *ос'*, *о'с'о*, *ос'о'с'о*, *ос'де*, *онде*, *оде*, *ос'до*, *он'до*, *ос'із'до*, *о*, *во*, *вот*, *он*, *от*, *он'но*, *ото*, *це*, *оце*, *той*, *о'той*, *таме'чки*, *о'таме'чки*, *ос'дечки*, *ондечки*, *генде'во*, *восде'но*, *вондево*, *воздево* и др. (*ос'с'одн'і йаг'н'атко за'р'ізали* – Мл.; *ми то'д'і ото по се'лу ходили* – Шв.), многие из которых коррелируют с указательными местоимениями и местоименными наречиями, высокопродуктивны. Иногда приобретают усилительно-выделительную семантику (*наче йа та'кого борш'ча/от не йїла* – Мл.) и выступают в функции заполнителей пауз и показателей границ текста (*той'с'ой* – Мл.; *по'той*; *по'те* – Рл.1). Акцентируем касательно частицы *ос'*, *о*, что юго-западные (прежде всего севернобессарабские, как и материнские) по происхождению ЧДС (*тако'ўо*, *тако'во*, *о'тако'во*, *туту'во*, *туту'во*, *в'іци'во'во*; *о'таке'во*, *оц'і'во*, *о'таке'во'во*, *о'таку'во'во*, *т'і'во'во*, *це'во*, *це'о'во*, *цей'во*, *той'во*, *той'ўо* – Пк.; *от'і'о'во*, *оце'ву'во* – Мл.), как и некоторые северные (*то'го'во*, *оц'і'во*, *о'тута'во*, *о'те'во*, *о'тако'во*, *о'таке'во* – Яр.) и со слобожанской основой (*оц'і'во*, *о'таке'во* – Ал.), маркирует постпозитивная к

¹ Частица *-ся* в Рл.1 «подвергается фонетическим изменениям и произносится твердо: см'йїаўса, тру'сиўса, зби'раца» (Logvin, 1965, p. 42).

местоимению реализация -во, вместо -о, а также -ўо, -ово, -вово, -вуво и позиционно независимая частица *вот* (*т|реба вот йак, та_й|вот* – Пк.).

Среди **утвердительных** партикул представлены *так, ага, ав|жеж*, свойственные большинству украинских говоров и литературному языку (Bevzenko, 1980, p. 166), и отмеченная ранее *да* (Drozdovskij, 1962; Mukan, 1960) (*наро|дилас да в Мо|лодов'і* – Мл.; *іда|т|рохи ми про|жили* – Шв.), которая, вероятно, возникла вследствие омонимии с соединительным общеславянским союзом *да*, вытесненным в украинском языке конъюнктивом *та* (Bevzenko, 1960, p. 394), в разных типах говоров, наподобие других степных, являющаяся самой распространенной. Наряду с частицами *да, так* в МДЦ употребляются и *но, ну_і* (Пк. – *ти|пер |л'уди не |майут ро|боти/ну_і не хт'а ро|бити*).

Проверка программой (Когда соглашаетесь, говорите *да* или *так*, или *дак*?) засвидетельствовала наибольшую распространенность безальтернативной партикулы *да* (Вс., Рл.1, Пл., Нс., НЦ, СЦ, Ск., Вол., Шр., Пр.БД., Сем., Уд., Вып., Мар. и т.д.); менее регулярной оказалась вариантность *да* и активной прежде всего в юго-западных диалектах (Bevzenko, 1980, p. 166) *так* (Пк., Ну., Ал., Скр., Бл., Гн., Мп., ВК, Нк., Тр., Ел., Шв. и др.). Только в ЧДС закарпатского типа (Пб.) для выражения согласия, вместе с *да*, как и в материнских (Bevzenko, 1980, p. 166), используется слово *йо*.

Отрицательные частицы, как и во всех украинских говорах, представляют архаические слова *н'і* (*н'і|йа |жила в дру|з'ім |дом'і* – Мл.), *не^н* (*н'е, ни*) (*не^н з|найу* – Пк.), иногда – *ни* (*ни^е*). Как правило, функционально-распределение этих фонетических вариантов установить трудно, но отмечалось, что в Шв. частица *не^н* выступает в значении первого отрицания, *ни* – второго, партикулы *н'і* и *н'е* функционируют при отрицательных местоимениях, наречиях, а также при именах прилагательных, к тому же обычно такие частицы повторяются в структуре одного и того же предложения (*не^н|було ж ни кол|хоз'і|н'і|чого*) (Delyusto, 2010).

А. М. Мукан наблюдала, что «...вместе с основной для этих ЧДС отрицательной частицей *н'і* < *ни* (*і*), произношение которой устоялось, наверное, под влиянием частицы *н'і* < *н'ї*, фиксируется множество случаев произношения этой частицы с сохранением этимологического *и* < *і*»: *ни|коли* (Вил.), *ни|чого* (Кал.), *ни^е|йа|койі* (Мт.), *ни^е йо|го, ни^е ко|н'а* (Дес.), *ни^ег|де* (Изм.). В результате наличия этого параллельного варианта частицы *н'і* и совпадения безударных *е, и* часто утрачивается различие в произношении *н'і* и *не*: *ни^е од|ного не^н|маіе* (Кал.), *ни^е|сахару ни^е|ма, ни^е|чого* (Изм.) (Mukan, 1960a, pp. 45–46).

Утрата дифференциации частиц *н'і* и *не* с унификацией их как *ни^е* касается всех говоров, но создалось впечатление, что в некоторых ЧДС

севернобессарабского генезиса отрицательная частица в фонетическом виде *ни* (*ни*^е) доминирует над *не* и *н'и* немного больше, чем в говорах других типов (*ни* ¹майу *ни* ¹кого *ни* ¹брат'и ¹ни ¹сестр'и; ¹памн'ати *ни* ¹ма; *не*^н *пересел'алиса* – Пк.).

Вопросительные партикулы чаще всего представлены словами *х'иба*, реже *чи*, которые употребляются в начале вопросительных конструкций (*ш'о/х'иба не правда се?* – Пк.; *х'иба це справедл'иво; х'ибаце пенс'ийа?* – Рл.1; *х'иба це можна?* – Шв.; *чи шче вложис:а* – Пк.) и *га*, употребляемой в конце фразы (*шо ти думайиш га?* – Шв.) или для переспрашивания как относительно автономная единица (*га?/шо ти каже"ш?* – Бр.). Во время предварительного анализа в говорах МДД отмечалась и частица *разв'и*, очевидно, как результат влияния русского языка, что обусловило вопрос программы (*Х'иба или разв'и, или ...?*). В результате проверки самой распространенной оказалась безальтернативность частицы *х'иба* (Ну., Пб., Ал., Пл., Мп., ВК, НЦ, СЦ, Вл., Шр., Нк., Тр., Уд., Вып., Мар. и т. д.). В то же время в говорах разного генезиса и формации зафиксирована и партикула *разв'и*, как правило, как второстепенный вариант к *х'иба* (Пк., Скр., Бл., Гн., Нс., Ск., Пр.БД., Сем. и т. д.), реже – как единственный (Вс., Ел.).

Модальные частицы в ЧДС преимущественно репрезентованы семантическими разрядами выделительных и усилительных; партикулами семантикой волеизъявления, побуждения; реже – предположения, сомнения. Много частиц из разряда обозначающих волеизъявления, побуждения к действию (*давай, гай, гайда, тата, ади, ну, ану, (ану_ка* – Шв.), кроме *же*), а также усиления, выразительности, интимизации обращения (*мей, бре*), проявляют сильное взаимодействие, амбивалентность с эмоциональными и императивными междометиями (*ну/сука/прийдеш уб'иу* – Пк.).

Среди усилительных партикул в ареале представлены общие с наддиалектной моделью: *ж, же_ж, аж, ну, ну_ну, та, йак, та'ки, нав'ит', то* (*и йа сид'у/жду_ж/в'идкр'ийут* – Рл.1; *ми же_ж мо'лилиса* – Пк.; *голод же_ж бу'у* – Рл.1; *ну кра'с'иво гра'у* – Шв.; *йа'ку ш'коду зроби/вс'о/у'же б'иут ажну_ну* – Рл.2; *дойшли аж до 'пол'скоий гра'ниц'и* – Рл.2; *та нав'ит' при сов'етах* – Шв.; *в'ин_тобачит'* – Шв.), – и отличительные *даже* (*шо во'на мен'и каже/даже не 'можу н'ичого по'н'ат* – Пк.; *'даже в ш'колу не й'шо'у* – Рл.1; *'даже було врем'я/шо не"було 'коней* – Шв.), *ба*. Частица *даже* (> *да + же*), известная и другим степным говорам, вероятно, заимствована из русского языка. Зафиксированная в Шв. партикула *ба* (Delyusto, 2010), от которой произошел современный союз *бо*, архаическая: «ср. лит. *ba*, санскр. *ba*» (Bevzenko, 1960, p. 394). Слово *ба* как разделительный сочинительный союзи часть составного сложного градационного союза наблюдалось в говорах Северной Буковины (Herzan, 1998, m. 169–171). Однако в говорах

МДД севернобессарабского типа оно не фиксируется ни как частица, ни как союз. Да и в говоре Шв. этот элемент периферийный.

Корреляция частиц *'нав'ит'* и *'даже'* проверена программой. Выяснилось, что самым активным является репрезентант *'даже'* (Мл., Пк., Вс., Ну., Пб., Ал., Скр., Бл., Гн., Нс., ВК, НЦ, СЦ, Вол., Шр., Пр.БД., Тр., Ел., Сем., Уд., Вып., Мар. и др.); а частица *'нав'ит'* как самостоятельная (Пл., Мп., Ск.) или параллельная к *'даже'* (Нк.) редкостная.

В. П. Дроздовский отмечал, что между подлежащим и сказуемым, а также некоторыми другими зависимыми членами предложения, часто может употребляться частица (согласно традиционной терминологии – союз) *та*: *йа оце та купалас'*; *папушою та 'с'ийут' виснойу* (Drozдовskij, 1962, р. 20). Спорадически это явление наблюдается и теперь (*а в церкву йихали та к'ин'ми* – Мл.).

Возможно, трансформацией такой частицы является постпозитивный элемент *-т*, редко фиксируемый в речи старшего поколения некоторых говоров севернобессарабского типа после глаголов (*сам'и ко'сили т/гарманували т*; *шукали т* – Рл.1), имен существительных и местоимений (*сам'и т руками 'с'ийали*; *вийду над'в'ір т*; *ходив т* – Рл.1; *на фронт'и т* – Мл.).

Среди **выделительных/ограничительных** партикул в мешанных ЧДС, как и в говорах других типов, широко употребляема омонимичная с наречием и союзом, засвидетельствованная в степных говорах архаическая частица *'т'ил'ки* (*'т'ики*, *'т'ико*), а также *хоч* (*хот'*, *хот'а'би*), *та*. Однако типично во многих мешанных ЧДС отсутствующая (Delyusto, 2010) или крайне редкостная (Mukan, 1960, р. 201) древняя частица *лише* (*лиш*), активна в юго-западных говорах. В говорах севернобессарабского генезиса ситуация другая. Здесь, вместе с зафиксированными *'т'ил'ки* (*'т'ики*) (*роз'рушили/но 'т'ики не у'полност'у* – Мл.), известным и в буковинских говорах (Негман, 1998, т. 166), *хот'* (*нас хот' цим бог милује* – Мл.), присущему большинству украинских говоров [AUL, III, р. 187], также в разной степени распространена *лиш* (*йа ж мала чотир'и качк'и і качура/і задушив той/тх'ір/лишив мен'и лиш* *йедну качку і качура*; *йа ход'у і лиш див'уса і пахне мен'и*; *три тис'ач'и треба лиш на той випуск'ний/чи шче вложис:а* – Пк.; *лиш с худоби/лиш с корови* – Вс.) и др. партикулы. В диалектных текстах встречается и частица с ограничительным значением *вс'ого'на'вс'ого* (*було вс'ого'на'вс'ого три-чотири бл'уди* – Пк.). Часто в функции выделительной частицы бытует и местоимение *сам* (*саме мн'асо кла'дут'* – Рл.1).

Проверке соотношения репрезентантов *лише/лиши* и *'т'іл'ки* посвящен вопрос программы. Реализации частицы *тільки* коррелируют, хотя и не всегда, с представленными в ареале формами омонимичного местоименного наречия (*'т'іл'ки, 'т'ілко, 'т'іл'ко, 'т'іки, 'т'іко/'і'ко, 'тол'ко, 'т'ікон'ко*) (Kolesnykov, 2015, m. 78).

В большинстве говоров МДД представлены неодинаковые манифестанты частицы *тільки* (Гн., Нс., Ск., Вл., Нк., Уд., Мар., НЦ и др. – *'т'іл'ки*; Скр., Тр., Ел., Сем., Пр.БД. – *'т'іл'ки; 'т'іки*; Бл. – *'т'іл'ки; 'т'іки; 'т'іко*; Мл. – *'т'іко; 'т'іл'ки*; Вып. – *'т'іл'ки; 'т'іки; 'т'іко*; Шр. – *'т'іки; 'т'і'ко*). В говорах средненадднепрянского генезиса (Пл., СЦ) наблюдается исключительно *'т'іки*, а слобожанского (Ал.) – *'т'іко*.

Партикула *лиши* – маркер юго-западного (севернобессарабского, закарпатского, восточнополесского) генезиса южнобессарабских говоров (Пк. – *лиши; 'т'іл'ки; 'т'іки; 'т'іко*; Вс., Ну., Мп. – *лиши; 'т'іл'ки*; Пб. – *лиши; 'т'іл'ки; 'т'іки*; ВК – *лиши*).

Среди **определятельных** частиц ранее и сейчас в ареале зафиксированы: *'саме* (*самий*) (омонимичная с местоимением), *йак'раз* (омонимичная с наречием), *'йімен:о* (*'йімен:о ми 'жили 'коло 'церкови* – Пк.), известные и другим украинским говорам.

К модальным частицам можно отнести (и иногда относят) и некоторые слова, описанные нами как градационные наречия и другие части речи, в частности усилительную частицу *гет'*, выявляющую амбивалентность с наречием и междометием (*за'читуваў гет' у'с'іх хаз'ай'н'іў* – Шв.); ограничительную частицу *чут'*, обычно интерпретируемую как наречие (*чут' не" по'билис'*), реже – как частицу, ср. в говорах Северной Буковины (Neriman, 1998, m. 160); амбивалентную с литературным наречием и диалектным союзом ограничительную частицу *де* (Рл.1 – *здо'роў'с'і'дай де б'лижче*); градационную с семантикой усиления и ослабления, а также целым спектром др. значений частицу *май* (*май по'ходила* – Пк.).

Среди собственно модальных частиц, выражающих **предположение, сомнение**, везде зафиксировано *може* (*може'вип'єте?* – Пл., Пк., Труд. тощо) и омонимичные с союзами (*мов, немов, наче*): *йак 'наче 'з'рав'ір 'падав* (град) – Мл.

В связи с генетической эвристичностью, динамикой, спецификой функционирования, межъязыковым и междиалектным взаимодействием, межчастеречной омонимией, семантическим и формальным взаимодействием детализации требует рассмотрение частиц (частиц-междометий), обозначающих волеизъявление, побуждение к действию (*зай, 'зайда, 'тата, 'ади, ан*), усиление, выразительность, интимизацию обращения (*мей, мой, бре*,

бр'е), которые взаимодействуют с эмоциональными и императивными междометиями, и частицы *май*.

Широко употребляемое в Шв. слово *ади*, как и в других говорах (Pavlyuk, 2003, р. 634), интерпретировано как междометие и высказана гипотеза об образовании его вследствие сокращения выражения *а ти дивись (ади! комай/ки/ше 'буде видно дош'; ади со'б'и! д'вац'ат' п'ят' год 'коло сви'ней 'була! – Шв.)* (Delyusto, 2010). Частица-междометие *ади* в украинских говорах МДД – признак юго-западного диалектного генезиса, ср. (Pavlyuk, 2003, р. 633), в частности и севернобессарабского (Hermap, 1998, т. 163), не всегда эмоциональное или императивное слово, хотя выражение требования посмотреть, даже при его нивелировании, почти всегда остается (*ади^е 'удобно с'ідай; ади/кажу/це вона го'лосе; на с'тарост'і л'ет/адиш'е'майу теле'фон; зате нам 'бог і не да'їє/ади/кру'гом до'ш'і і'дут; ади/вже 'темно – Пк.; 'кажу ади/ади в т'ур'м'і си'дит'; нехай хто засп'івайє/скаже ади понап'ивалиса аж сп'ивайут – Мл.; ади/п'рийде во'нучка; а'д'і'бр'е/нехай п'іде прине'се; ади те'пер год 'буде – Вс.*). Это позволяет рассматривать его как указательную частицу, омонимичную с указательными местоименными наречиями.

Проверка программой (*Ади ко'махи л'і'тайут' чи ти ди'ви ко'махи л'і'тайут', чи ди'вис' ко'махи л'і'тайут'?*) выяснила территориальное распределение частицы-междометия *ади* (Kolesnykov, 2015, т. 79) и, вместе с анализом диалектных текстов, установила набор вариантов (*ади, ади^е, а'д'і, а'д'і', а'диса, ан ди'виса, ан, адита'мо, 'иса*).

Кроме тех говоров, которые тяготеют к моногенетическим буковинско-подольского диалектного типа (Пк., Вс., Рл.1, Мл.), наличие частицы-междометия *ади* и ее репрезентантов позволяет разграничить мешанные говоры, где более существенной была юго-западная генетическая составляющая (Тр., Вып., Шв.), и те, которые подверглись соответствующему междиалектному влиянию (Бл., Гн., Скр.).

Вместе с *ади* в говорах обычно представлено несколько параллелей (Пк. – *'анса, ан ди'виса, ади, ан (ти ан на н'у)*; в текстах еще и *ади^е*; Вс. – *'анса, ан ди'виса, ади*; в текстах еще и *а'д'і, ад'і'*; как наречия, вместо *ос'ідо*, указано также: *а'диса* (образованное способом телескопии от *а/ан 'дивиса*); производную структуру – *ади* + указательное местоименное наречие + указательная частица – *адита'мо*; Рл.1, Рл.2 – *'иса, ади*), реже *ади* зафиксировано безвариантно (Ел., Мл.). Часто для выражения требования посмотреть наряду с *ади* используется именно глагольные формы (Шр. – *ади, а ди'вис'*), в частности и без постфикса *с'а (с')* (Скр. – *ади, ти ди'ви*; Бл., Гн., Тр., Вып., Шв. – *ади, ти ди'ви, ди'вис'*). Иногда диалектоносители подчеркивают, что слово *ади* может повторяться: Гн. – *ади-ади шо це та'ке?*).

В некоторых говорах ареала (среди них немало моногенетических с юго-восточной и северной основой и более новой формации) для выражения требования посмотреть используются только глагольные формы (Пб., Ал., Пл., Пр.БД., Уд. – *ди/вис'*; Ну. – *ти ди/виса*; Нс. – *ти ди/ви*; НЦ – *ди/ви*; СЦ – *ди/вис'*, *ди/ви*; Мп. – *ти ди/ви*, *ди/вис'*; Ск., Нк. – *а ди/вис'*; Вол. – *а ди/ви*; Сем. – *ти ди/ви*, *поди/вис'*, *пог'л'ан'*; Мар. – *ди/ви*, *а ти ди/ви*, *ди/вис'*), ср. в степных говорах Запорожского Приазовья: *Бач' /кажут/Бога нима/бач' /шч'о так вона /рада то'д'і...* (Pacheva, 2002, p. 12).

Кроме вывода о генетической информативности лексемы *а/ди* и подобных ей репрезентантов, наш анализ подтверждает достоверность мотивации *а/ди*, *'анса* < *а ди/ви*, *ан ди/виса*.

Функциональная связь с глаголом находит проявление в приобретении частицей *на* некоторых морфологических признаков глагола, в частности формы повелительного наклонения (*'нате вам г'рош'і* – Мл.).

Обтекаемые формулировки в предыдущих исследованиях констатируем и касательно частеречной принадлежности лексем *мей*, *бре*, *тата*, *гай*, которые чаще называют словами, изредка уточняют частицы это или междометия, или другие части речи. В частности, В. П. Дроздовским к явлениям, которые получили значительное распространение в говорах, отнесено «употребление заимствованных из молдавских говоров слов *мей*, *бре*, которые выступают при обращении к кому-нибудь, и частицы *гай*, которая встречается при формах повелительного наклонения и глаголах, употребленных в значении повелительного наклонения: *ади/ви/бре/іак там хара'шо*; *гай п'іш'ли* («давайте идти, идем!»), *гай хо'д'ім*, *гай йа с'кажу*» (Drozdovskij, 1961, p. 150).

Действительно, появление во всех генетических типах украинских говоров, по крайней мере основной формации (а также в говорах других языков (Kasatkin, 2004)), частиц-междометий *мей*, *бре* (*бр'е*, *брей*) (Kolesnykov, 2015, т. 80) – мощный динамический фактор их развития, замеченный предшественниками. Напр., В. П. Дроздовский писал: «Молдавскими по происхождению являются часто употребляемые при обращении к кому-то слова *мей*, *бре*» (Drozdovskij, 1962, p. 444). А.М. Мукан отмечала: «Употребляемыми в говорах являются еще слова из молдавского языка *мей*, *мой*, *брей*, *бре*, которые имеют, кажется, определенное значение усиления, хотя и не всегда. Иногда они словно заменяют собой обращения и др.», напр.: *іди мей/бре...* (Дес.); *ка'жи мей/брей* (Пшт.); *ни плач/бре* (Кс.); *подсо'б'іт' мей* (Шв.); *мей/йа дес' /бачила вас* (Сф.), *п'ідеи мой?* (Кил.) (Mukan, 1960, p. 201). Подмечено и отличное от языка-источника употребление элементов *бре* (*бр'е*), *мей*: если в румынской диалектной речи, напр., в говоре г. Рени, функционирование таких междометий дифференцировано: *бре* (*бр'е*) используется по отношению к пожилым людям, со значением уважения, а

мей передает панибратское отношение, – то в Шв. (как и в других ЧДС ареала) такое разграничение не наблюдается (Delyusto, 2010).

Значение этих частиц-междометий в украинских говорах истолковывается исследователями по-разному и отлично от языка-источника. Напр., кроме отмеченного, частица-междометие *мей* (рум. межд. *măi* – укр. “*зей, ей*” (DRU 1963), а также “*ей ти*”, “*е!*”) охарактеризована так: «*Мей* – 1. “интимное обращение к близкому лицу, употребляющееся вместо имени”; 2. “частица, употребляемая рядом с обращением, выраженным именем” (*мей* ¹*Ван’а/с’час з’в’інок /буде*)» (Drozdovskij, 1962, р. 92); «*Мей* – межд. Форма обращения. (*Мей/і/ди с’у/ди*)» (Bondar, 2011, р. 126), ср. также (Pavlyuk, 2003, р. 674). Значение похожей на *мей* по употреблению частицы-междометия *бре* (*брей, бр’е*) (рум. межд. *bre* – ‘ну’, ‘эй’, ‘эй ты’) в украинских говорах МДД объясняют так: «*Брей, бре*, ‘междометие, заменяющее собой обращение; часто употребляется как средство интимизации речи’ (*йіхау/бре/май пирі/кинуўс’ там; це ж ка/з’онний чоло/в’ік/брей*)» (Drozdovskij, 1962, р. 20; Bondar, 2011, р. 27), ср. также (Pavlyuk, 2003, р. 641).

Почти во всех говорах МДД основной формации бытует и заимствованная из румынского языка частица-междометие ¹*тата* (¹*тата*)(*на/повниця /бочка/по/том у/же /тата; о/дин муж/ч’іна і /тата* – Вс.; *з руки бе/ре ди/тину і /тата; лиш іі/дно му/ч’ен’ііе і /тата* – Пк.), также отмеченная ранее (Mukan, 1960; Drozdovskij, 1962). Ближе всего она находится к императивным междометиям, обозначающим призыв к завершению действия и может интерпретироваться как частица (как показатель завершения фразы, соответствие *та_й от, та_й так* – *та_й тата* – Пк.), наречие или предикативное слово (соответствие украинскому литературному *годі*) в случае нивелирования императивности.

Ранее междометие и наречие ¹*тата* (¹*тата*) (в рум. *gata* – прилаг., “*готовий*” (DRU 1963), нареч. и межд. “*готово*”, “*та й годі*”, “*і край*”, “*досить*”, “*все*”) было прокомментировано так: «*Гата* – “конец”» (Drozdovskij, 1962); «*Гата* – межд. молд. *Все; готово; закончено, конец*» (Bondar, 2011, р. 62), «*гата* – межд. (рум. < *gata*) все, конец» (Pavlyuk, 2003, р. 648).

Как *тата*, так и *мей, бре* принадлежат к «новым диалектным явлениям, так сказать южнобессарабским» (Drozdovskij, 1962, р. 33), то есть тем, которые сформировались в МДД¹ и распространены в говорах всех генетических типов.

Наши наблюдения над функционированием частиц *мей, бре, тата* в диалектных текстах и проверка программой (Есть ли *мей/мой?* Есть

¹В пользу этого свидетельствует и отсутствие информации о них в «Словаре диалектизмів українських говорів Одеської обл.» А. А. Москаленко, где обследовано 13 говорів ареала (Мн., Чр., Тр., Дес., Кил., Шв., Пшт., Бр., Кс., Мт., Сф., СЦ, Рл.1).

либре/бр'е/брей? Есть ли/гата/тата? У вас говорят мей? Что это такое? Когда употребляется?) позволили выявить набор их репрезентантов (мей, мой, бре, бр'е, брей, бр'ей, другие слова для обращения: бий – Вс.) и уточнить семантическую сферу, генезис и динамику.

Частица-междометие мей чаще употребляема для обращения и в связи с обращением, но иногда и для усиления, выразительности и выделения чего-то (ш'об/йак/знали мей і ми/шо це п'раз^оник), даже респонденты не всегда признают ее прямую и четкую связь с обращением. На развитие последнего значения влияет взаимодействие частицы мей с май (йі/йічко мей тила). Особенностью употребления частицы мей является ее способность к редупликации (обычно 3-4 раза – мей-мей-мей-мей – Пк., Вс., Ну., Рл.1, Скр., Бл., Гн., Бр., Пшт. тощо). Даже в тех говорах, где программа не дает примеров редупликации, наблюдение над речью ее выявляет.

Итак, частица-междометие мей распространена в говорах основной формации разных генетических типов (Пк., Нк., Вс., Ну., Ал., Пл., Скр., Бл., Гн., НЦ, Вып., Мар., СЦ, Тр., Ск., Вл., Ел., Уд., Шв., Рл.1, Рл.2 и др.), ее репрезентант мой, отмеченный А. М. Мукан и другими исследователями украинских говоров (Pavlyuk, 2003, p. 674), вариантный к мей, более локальный и рудиментарный (Мг., Изм.). Репрезентант мой, по нашему мнению, с высокой вероятностью может быть маркером южноподольского генезиса в МДД, ведь и сейчас встречается в соответствующих ЧДС, в частности сс. Баштанкив Кодымского р-на, Ясеново Второе Любашовского р-на Одесской обл., поэтому он, вероятно, и был замечен А. М. Мукан как носителем соответствующего диалекта (с. Будей Кодымского р-на Одесской обл.), хотя не является и, наверно, не был очень активным элементом в ареале.

В меньшей степени, по сравнению с мей, в говорах основной формации распространена частица-междометие бре в репрезентантах: бре (Шв., Пл., Вол., Рл.1, Рл.2), бр'е (Скр., Вс., Ел., Уд., Яр.), брей (Ск., СЦ, Тр., НЦ, Вып., Мар., Ал., Мл.), бр'ей (Пк., Нк., Гн.). Слова мей и бре часто употребляются вместе, в связи с чем иногда, в говорах более новой формации (Сем.), сочетание мей_брей воспринимается как одно молдавское слово. Бре постепенно стирается в говорах, что подтверждает значительно более слабая его диагностируемость программой, напр., в Вс., Пл. он проявляется только в диалектных текстах. В Вс. в этом значении зафиксировано специфическое слово бий (бий/ку/да і/деи?).

Лексему /тата также характеризует тенденция к постепенному стиранию. В некоторых ЧДС (Мар., Вып.) она прокомментирована: употребляют /р'ідко ста/р'і /л'уди. Она имеет реализации /тата (Пк., Нк., Вс., Вол., Скр., Бл., Гн., НЦ, Вып., Мар., Вл., Ел., Уд., Шр., Рл.1, Рл.2 и др.), реже /гата (Ск., Мп.),

хотя наблюдение над текстами, напр., Пк., выявляет вариантность этих репрезентантов.

Безусловно, *мей*, *бре* і *'гата* – инновационные элементы, которые появились в говорах в связи с усиленным влиянием румынского литературного и диалектного языка, а с сер. XX в. в МДД сложились условия к их стиранию. Однако эти элементы довольно крепко укоренились в говорах (и не только украинского языка), став признаком речи бессарабцев. Теперь они не всегда присутствуют в говорах в полном наборе: есть ЧДС только с *мей* і *'гата* (Бл.), *мей* і *бре/брей* (Пл., СЦ, Тр.), только с *мей* (Ну.) або *'гата/'гата* (Мп., Шр.). Именно поэтому в говорах более новой формации (Пб., Нс., ВК, Сем.) закономерно отсутствие этих элементов, хотя кое-где и тут проявляются отдельные факты как следствие южнобессарабского влияния (Мп. – *'гата*). В ЧДС севернобессарабского генезиса отмеченные лексемы, вероятно, не только динамический, но и генетический маркер. Зафиксированное программой отсутствие этих частиц-междометий в говорах основной формации ареала (Пр.БД.) – исключение из правила, и причина этого, на наш взгляд, состоит в особенностях идиолекта диалектоносителя, наблюдение над речью в таких ЧДС обычно как минимум выявляет лексему *мей*.

Значительной активностью характеризуется в украинских говорах МДД и частица *гай*”*гайда*”. Диалектологи также усматривали тут румынское влияние: «Глаголы изъявительного наклонения в сочетании с частицей *гай* (в значении *давай*, ну; ср. рум. *hai* с этим же значением) выступают в подобных случаях в функции повелительного наклонения. Например: *гай* *n'iu/ли*, *гай* *йа с'кажу*, *гай* *хо'д'им*» (Drozdovskij, 1961, р. 150; 1962, р. 444); «гай *межд. поощрения, побуждения* (> рум. *hai*) ану, ану ж» (Pavlyuk, 2003, р. 645). Считаем, что саму частицу *гай* вряд ли стоит интерпретировать как результат интерференции с румынским языком, но такое влияние (лишь стимулирующее), вероятно, состоит в ее активизации в указанной функции в данных говорах и умеренном вытеснении связанной с ней словообразовательной связью частицы *гайда*.

Интересное поведение и эволюция наблюдаются у заимствованной из румынского языка полифункциональной частицы *май*, употребляемой в ряде моногенетических ЧДС МДД с юго-западной диалектной основой, как и в материнских для них севернобессарабских (Herzan, 1998, m. 165), а также закарпатских и в некоторых украинских говорах Румынии (Pavlyuk, 2003), в роли форманта степени сравнения, выполняющего также соединительную функцию.

Элемент *май*, зафиксированный в сер. XX в. в украинских южнобессарабских говорах Пк., Рл.2 (Drozdovskij, 1961, р. 150; 1962, р. 128) і Рл.1. (Logvin, 1965), – результат влияния румынского языка, явление не приобретенное в МДД, а генетический маркер, являющийся чертой материнских

севернобессарабских ЧДС. В пользу этого свидетельствует и факт, что в придунайских говорах, которые более 20 лет дольше находились в ареале под усиленным влиянием румынского языка, частицы *май* как системного явления не появилось. На генетическую основу говоров МДД, где наблюдается (наблюдалась) частица *май*, широко известная в юго-западных диалектах, ср. (AUL; Prylyuk, 1983; Pavlyuk, 2003), указывают и особенности ее функционирования.

Итак, в системе частиц южнобессарабских говоров разграничены элементы, имеющие генетическую эвристичность, и те, которые свидетельствуют о динамике. Генезис говоров маркируют сохранные формообразующая частица *най* (севернобессарабский тип); позиция и фонетическое оформление формообразующей и словообразующей частицы *ся* (севернобессарабский и закарпатский типы); частица *май* (севернобессарабский и закарпатский типы); указательные партикулы *генде^ево*, *восде^ено*, *вондево*, *воздево*, *вот* (севернобессарабский тип) и постпозитивные указательные элементы типа -*вуво*, -*вово* (севернобессарабский, восточнополесский и слобожанский типы); утвердительная партикула *йо* (закарпатский тип); ограничительная частица *лиш* (севернобессарабский, закарпатский и западнополесский типы). Указательная частица и междометие *а^ди*, а также *анса*, *а^диса*, *уса*, *ан* проявляет как генетические (маркирует говоры севернобессарабского типа), так и динамические характеристики (где-то исчезает, где-то появляется вследствие междиалектного взаимодействия).

Динамику говоров усматриваем в появлении в определенный период развития и сохранении элементов *мей*, *бре*, *гата*, фиксируемых в ЧДС всех генетических типов основной формации; во взаимодействии частиц *май* и *мей* в тех ЧДС, где они функционируют параллельно, а также в контактных с ними.

Установлены и факты, требующие переоценки с позиции генезиса и динамики, или ранее в говорах ареала не комментированные. В частности, распространенность утвердительной частицы *да* наводит на мысль, что это в значительной степени архаический элемент, генетический маркер, сохранившийся, возможно, и благодаря влиянию русского языка, а не только как результат соответствующей интерференции. Отдельного внимания заслуживает и постпозитивная частица *-т* (*гарману^вали_т*), вероятно, сохранный как генетический маркер.

References

- AUL (1984-2001). *Атлас української мови/Atlas of the Ukrainian language*. Kyiv: Naukova dumka.
- Bevzenko, Stepan (1960). *Історична морфологія української мови/The historic morphology of the Ukrainian language*. Uzhgorod: Zakarpatye Region Publishing.
- Bevzenko, Stepan (1980). *Українська діалектологія/The Ukrainian dialectology*. Kyiv: Vishha shkola.
- Bondar, Oleksandr (2011). *Словник українських говорів Одещини/The dictionary of the Ukrainian dialects of Odessa region*. Odesa.
- Delyusto, Maryna (2010). *Граматика говірки у світлі тексту/The grammar of a dialect on the basis of dialectal text*. Kyiv.
- Drozdovskij, Volodymyr (1961). Південнобессарабські українські говірки/The Ukrainian South-Bessarabia dialects. *Праці X республіканської діалектологічної наради/The works of the 10-th republic dialectal summit*. Kyiv, pp. 132–155.
- Drozdovskij, Volodymyr (1962¹). *Українські говірки Бессарабського Примор'я. Частина I/The Ukrainian dialects of the Bessarabia Seaside. Part I-II*. Odesa.
- DRU (1963). *Dicționar român-ucrainean/The Romanian-Ukrainian Dictionary*. Chernovtsy.
- Herman, Kost (1998). *Атлас українських говірок Північної Буковини/The Atlas of the Ukrainian dialects of the North Bucovina*. Chernivtsi.
- Logvin, V. (1965). *Морфологічна система говірок нижньої правобережної Наддністрянщини/The morphological system of the Ukrainian dialects of the Lower Right-bank Dniester. Територіальні діалекти і власні назви/The territorial dialects and proper names* – Kyiv, pp. 33–43.
- Kasatkin, Leonid (2004). Діалект липован – русских старообрядцев Нижнего Подунавья/The dialects of lipovans – Russian Old Believers of Low Danube. *Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. The Scientific bulletin of the Izmail State Liberal Arts University*, № 17, pp. 77–84.
- Kolesnykov, Andriy (2015). Морфологія українських південнобессарабських говірок: генеза і динаміка/*The morphology of the Ukrainian South-Bessarabia dialects: origin and dynamics*. Izmail: SMYL.
- Nikolayeva, Tatyana (2005) *Функції частиц в высказывании (на матеріалі слов'янських мов)/Functions of the particles in the utterance (on the material of the Slavic Languages)*. Moscow: Editorial URSS.
- Mukan, Ahafia (1960). *Українські наддунайські говірки. Фонетико-граматичні особливості/The Ukrainian Higher Danube dialects. Phonetic and grammatical peculiarities*. Gluhiv.
- Mukan, Ahafia (1960a). Українські наддунайські говірки (особливості звукової системи)/*The Ukrainian Higher Danube dialects (phonetic peculiarities)*. Діалектологічний бюлетень/*The Dialectal bulletin*, Volume VII, pp. 44–60.
- Pacheva, Valentina (2002). *Українські говірки Запорізького Надазов'я/The Ukrainian dialects of Zaporizhzhya Nadazovja*. Zaporizhzhya.
- Pavlyuk, Mykola (2003). *Українські говори Румунії. Діалектні тексти/The Ukrainian dialects of the Romania. The dialectal texts*. Edmonton – Lviv – New-York – Toronto: The Institute of the Інститут Ukrainian Studies of the NASU.

Prylypko, Nadija (1983). *Форми словозміни і ступені порівняння прикметників/The adjectives' wordchanging forms and the degrees of comparison. Фонетична, морфологічна і лексична система українських говірів/The phonetic, morphological and lexical system of the Ukrainian dialects.* Kyiv, pp. 61–101.

Zhylo, Fedot (1966). *Написи з діалектології української мови/Sketches in Ukrainian Dialectology.* Kyiv: Radjanska shkola.

Список условных сокращений

Белгород-Днестровский р-н: Вол. – Вольное; Вл. – Владимировка; Вып. – Выпасное; Мар. – Маразлеевка; Мн. – Монаши; Нк. – Николаевка; НЦ – Новая Царичанка; Пк.2 – Петровка; Пр.БД. – Приморское; Сем. – Семеновка; Соф. – Софиевка; СЦ – Старая Царичанка; Ск. – Старокозачье; Уд. – Удобное; Чист. – Чистоводное; Чр. – Черкесы; Шр. – Широкое; Татарбунарский р-н: Тат. – г. Татарбунары; Див. – Дивизия; Лим. – Лиман; Пр.Тат. – Приморское; Рл.2 – Ройлянка; Тр. – Траповка; Саратовский р-н: Мл. – Молдово; Пл. – Плахтеевка; Рл.1 – Ройлянка; Яр. – Ярославка; Арцизский р-н: ВК – Веселый Кут; Вш. – Вишняки; Мп. – Мирнополе; Нс. – Новоселовка; Плц. – Плоцк; Пб. – Прямобалка; Тарутинский р-н: Бл. – Благодатное; Вс. – Высочанское; Гн. – Ганновка (Височанский сельсовет); Ел. – Елизаветовка (Юрьевский сельсовет); Ну. – Новоукраинка; Ал. – Александровка; Пк. – Петровка; Скр. – Скрывановка; Плач. – Плачинда; Килийский р-н: Вил. – Вилково; Дес. – Десантное; Кил. – Килия; Лс. – Лески; Труд. – Трудовое; Шв. – Шевченково; Измаильский р-н: Бр. – Броска; Изм. – Измаил; Кал. – Каланчак; Кс. – Кислица; Мт. – Матроска; Пшт. – Першотравневое; Сф. – Сафьяны. Все населенные пункты расположены в Одесской области.